

УДК 1 (091)

Философско-психологический диалог: В. Зеньковский и З. Фрейд

В.В. Сербиненко

Философский факультет Российского государственного гуманитарного университета, кафедра истории русской философии

Аннотация. В статье раскрываются особенности трактовки философии пола в наследии В.В. Зеньковского, критика им пансексуализма З. Фрейда. Обосновывается идея Зеньковского о том, что без фундаментальной философии человека не может быть и последовательной философии воспитания и образования. Показана важность вопроса о природе личности ребенка в формировании педагогической стратегии.

Abstract. In the paper some peculiarities of interpretation of philosophy of sex in the heritage of V. Zenkovsky have been analyzed; his criticism of Z. Freud has been given. The idea proposed by Zenkovsky about necessity of fundamental philosophy of man for consecutive philosophy of education has been substantiated. The importance of child's personality in formation of educational policies has been shown.

Ключевые слова: психоанализ, философская антропология, теория личности, личность ребенка, пансексуализм, фрейдизм, русская философия, метафизика любви, метафизика пола

Key words: psychoanalysis, philosophical anthropology, theory of personality, personality of child, panseksualizm, Freudianism, Russian philosophy, metaphysics of love, metaphysics of sex

1. Введение

Признавая в своем раннем труде "Психология детства", детские годы важнейшим периодом в становлении человеческой личности, В. Зеньковский – выдающийся русский философ, психолог и историк философии – просто не мог пройти мимо психоаналитического подхода к детской психологии. Тем более что он, как и З. Фрейд, решающее значение придавал именно эмоциональной сфере. Однако подобное совпадение общей установки лишь подчеркивает принципиальные различия в отношении двух мыслителей к психологии детства.

Автор статьи ставит перед собой цель раскрыть особенности философско-психологических позиций В. Зеньковского, взгляд на проблему формирования личности ребенка мыслителем, который известен прежде всего как историк философии, но в меньшей степени – как психолог.

В. Зеньковский был готов признать исключительную важность того, что сделал З. Фрейд для привлечения серьезного научного интереса к проблемам пола вообще и к проблемам детской сексуальности в частности. Он видел в психоанализе естественную реакцию на "небрежное отношение современной психологии к проблеме пола". (Примерно также, в свое время, другой русский философ Вл. Соловьев, будучи решительным противником позитивистского направления в философии, тем не менее, исторически "оправдывал" это философское течение, считая его неизбежной реакцией на чрезмерный ("отвлеченный") идеализм, предшествующий философской традиции.) "Когда читаешь Фрейда и фрейдянцев, – писал В. Зеньковский, – с их настойчивым разысканием влияния пола в самых разнообразных индивидуальных, социальных и исторических процессах, то, несмотря на постоянные преувеличения в этих случаях или, вернее, именно вследствие этих преувеличений, чувствуешь, что до школы Фрейда пол был пустым местом для психологии. Могучее, разностороннее влияние пола, его связь с творческими и патологическими процессами в нас как бы не существовали для психологов" (Зеньковский, 1995).

Еще в большей мере такое пренебрежение половой проблематикой проявлялось в отношении к вопросам детской сексуальности.

2. Вопросы детской сексуальности в философии В. Зеньковского (критика пансексуализма З. Фрейда)

З. Фрейд действительно совершил в данной области нечто подобное "коперниковскому перевороту". Характеризуя психоаналитический метод как метод преимущественно терапевтический и в целом скептически оценивая фрейдовский пансексуализм, В. Зеньковский соглашался с "общей мыслью Фрейда, что уже детство знает жизнь пола, что уже в детстве пол является действенным и живым

началом". В критике же русским философом психоаналитической трактовки детства можно выделить два момента: во-первых, он считал, что в психоанализе, претендующем на статус научной теории "слишком много фантастического", слишком много необоснованных допущений и гипотез; во-вторых, в психоанализе присутствует и противоположная тенденция, когда реальная глубина психологии половой жизни искусственно упрощается, "сужается" до размеров психоаналитических схем ("проблемы пола у ребенка нельзя исчерпать, ее нельзя целиком втиснуть в... схемы половой жизни в детстве").

В своей критике психоанализа русский религиозный мыслитель ни в коей мере не походил на ортодокса и пуриста, шокированного фрейдовским пансексуализмом. Но он явно не мог избежать иронической оценки психоаналитической модели сексуальности младенца: "Относить сексуальный момент к сознанию ребенка – это поистине превращать грудного младенца в утонченного любителя половых наслаждений. Между тем, по Фрейду, именно так и должно представлять себе дело – ибо из сексуального конфликта, переживаемого младенцем, развиваются, так сказать, темы всего дальнейшего психического развития человека. Наличие какого-то глухого сексуального оттенка может быть, конечно, отыскиваема в преимущественной нежности взаимных отношений отца и дочери, матери и сына, но ведь это только значит, что даже в отношениях родителей и детей, сущность которых лежит совершенно вне сексуальной сферы, сказывается, однако, влияние пола" (Зеньковский, 1995). В. Зеньковский вообще был склонен различать "влияние пола" и "влияние сексуальной сферы". В последней он усматривал форму "эмпирического выражения пола", являющегося "метафизической силой в личности". Такое отношение к полу в существенной мере характеризует своеобразие философской позиции В. Зеньковского и, к тому же, позволяет соотнести эту позицию с вполне определенной традицией в истории русской философии. Мыслитель настаивал, что пол в человеке "есть подлинная духовная сущность", он всегда имеет личностный характер. В таком понимании половая сфера в семейной жизни просто не может быть сведена к психологии семейных отношений. Именно руководствуясь этими соображениями, Зеньковский утверждал, что "гипотеза Фрейда о сексуальной природе взаимоотношений матери и детей" должна быть отвергнута "категорически". "Семья слагается в нечто цельное, в некоторый социально-духовный организм, и это все обвеяно полом, ибо семья создается полом; оттого презрение к полу соединяется с низкой оценкой родственных отношений – и обратно. Однако, учитывая все это, было бы крайне легкомысленно объяснять что-либо в родственных отношениях из влияния сексуальной сферы как эмпирического выявления пола" (Зеньковский, 1995).

Таким образом, фрейдизм оказывается для В. Зеньковского слишком "легкомысленной" теорией. Причем легкомысленной, прежде всего, в своих философских основаниях. Непозволительное отсутствие строгости в научном отношении ("фантастические гипотезы") еще более усугубляется непродуманностью (в философском плане) основных принципов собственной концепции.

3. Философия пола Вл. Соловьева, В. Розанова в оценке В. Зеньковского

Одновременно с критикой психоанализа В. Зеньковский совершенно недвусмысленно указывал на те философские трактовки пола, которые ему лично казались гораздо более убедительными. Когда он пишет о том, что семья как "социально-духовный организм" "обвеяна полом" то это, почти, цитата из В. Розанова. Розановская метафизика пола, безусловно, имеет самое непосредственное отношение к его позиции в данном вопросе. Позднее в своей знаменитой "Истории русской философии" Зеньковский, давая высокую оценку Розанову именно как философу (что, вообще-то, делалось крайне редко), будет уже непосредственно цитировать розановские характеристики пола: "пол выходит из границ естества, он – вместе естественен и сверхъестественен", "пол не есть вовсе тело, тело клубится около него и из него" и др.

Однако если иметь в виду определение В. Зеньковским пола как "духовной, метафизической силы личности", то речь надо вести о другом философском источнике.

В. Зеньковский сам указал на него, сославшись в "Психологии детства" на метафизику любви Вл. Соловьева: "Как хорошо раскрыл это Вл. Соловьев в своей статье "О смысле любви", на почве половой любви осуществляется труднейший перелом в нас, победа над естественным эгоцентризмом и живое, всецелое устремление к любимому человеку – а через него ко всему миру" (Зеньковский, 1995). Надо заметить, что в "Психологии детства" В. Зеньковский, рассуждая о роли пола уже в детском возрасте, прямо апеллировал к платоновской и, соответственно, соловьевской идее взаимодополнения полов, в частности, когда писал, что еще совсем маленькие девочки и мальчики "умеряют и восполняют друг друга; взаимное влияние здесь направляется, быть может, примером взрослых, но еще больше тем тайным притяжением двух полов, которое впоследствии разовьется в самое глубокое и плодотворное наше чувство" (Зеньковский, 1995).

Можно сказать, что своеобразие позиции Соловьева, всю жизнь стремившегося к построению христианской философии, в значительной степени было связано с тем, что он не верил в то, что половая

любовь не имеет отношения к вечности, и был убежден в обратном. Эту позицию Вл. Соловьева в существенной мере разделял и В. Зеньковский в своей трактовке пола как "духовной сущности". Но он, несомненно, испытал также определенное влияние метафизики пола В. Розанова, в некотором отношении альтернативной соловьевской концепции любви. В своей "Истории русской философии" Зеньковский с искренним чувством выскажется о том, в чем он видел "правду" розановской метафизики пола: "Я не разделяю мнения..., что любовь к жизни у Розанова вне личности человека и Бога. Наоборот, у него исключительно велико чувство личности (в человеке), но это у него окрашено космоцентрически. Вся метафизика человека сосредоточена для Розанова в тайне пола – но это абсолютно далеко от пансексуализма Фрейда, ибо все в тайне пола *очеловечено* у Розанова" (Зеньковский, 2001).

Этими словами В. Зеньковский еще раз подтвердил, что Розанов был ему гораздо ближе Фрейда. Впрочем, это было уже совершенно ясно для внимательных читателей "Психологии детства". При всех многочисленных различиях во взглядах этих двух русских мыслителей их объединяло убеждение, что личностное начало в человеке проявляется на всех этапах его жизни и во всех сферах его бытия, в том числе в детстве и в любви. В завершающем разделе "Психологии детства" В. Зеньковский, подводя итог своего исследования детской психологии, счел необходимым уже непосредственно сформулировать основополагающие принципы метафизики личности.

4. Природа личности ребенка в персонализме В. Зеньковского

Философ был убежден, что отношение к идее "личности" определяет суть той или иной философской антропологии. С другой стороны, вопрос о природе личности является ключевым и для психологии детства, и для возникающих на ее основе воспитательно-образовательных концепций. Понимание личности ребенка, безусловно, связано с общими философскими представлениями о личностном начале в человеке. В. Зеньковский, в этой связи, прямо указывал на традицию "метафизического персонализма, который впервые строил Платон, а в новое время Лейбниц, Гербарт, Лотце, Ренувье, Тейхмюллер, Лопатин, Штерн". Надо заметить, имя Л. Лопатина появляется в этом ряду совершенно закономерно: В. Зеньковский, в целом, высоко оценивал русское лейбницианство и, в частности, метафизический персонализм Л. Лопатина, которого к тому же считал "самым выдающимся русским психологом" (Зеньковский, 2001).

Определяя собственную "метафизическую" точку зрения на природу личности ребенка, Зеньковский подчеркивал, что "детская личность (впрочем, как и наша личность во многом) не только дана, но и задана, ... люди не идут в своем развитии одним и тем же путем, ... личность не принимает у всех одной и той же формы, но всякая личность должна найти свой путь, свою идеальную форму" (Зеньковский, 1995). Безусловно, ему самому была близка именно персоналистическая линия в метафизике. Об этом, в частности, свидетельствуют и критические замечания В. Зеньковского в адрес "актуальной теории личности" В. Вундта, которого он упрекал в недостаточной "метафизичности", в том, что его модель личности как "психического организма" полностью "исчерпывается своим эмпирическим составом".

Эмпирическим трактовкам личности в психологии и философии В. Зеньковский противопоставляет тезис: "Личность всегда глубже своего эмпирического выражения, ее жизнь есть непрерывное движение вперед, непрерывное искание более полного и адекватного своего выражения. ... Человек никогда не бывает только дан, он никогда не закончен, он всегда и "задан", перед ним всегда раскрыта бесконечная перспектива духовного развития" (Зеньковский, 1995). Надо сказать, что "проективный" образ личности, на котором настаивал В. Зеньковский, ярко и достаточно широко представлен в русской философской традиции. Об этом он сам будет писать позднее в своей фундаментальной "Истории русской философии". С тем, что личность никогда не дана только, но всегда задана в "бесконечной перспективе духовного развития" и не может быть исчерпана никаким "эмпирическим содержанием" согласились бы не только такие "персоналистически" ориентированные мыслители как Л. Лопатин, Н. Бердяев, Г. Федотов, С. Франк, но и те, кто представлял, например, традицию "метафизики всеединства": Вл. Соловьев, С. Трубецкой, П. Флоренский, Л. Карсавин и многие другие.

5. Заключение

Подводя итоги, отметим, что представленные в статье общие принципы метафизики личности были самым непосредственным образом связаны с психологией детства В. Зеньковского, отличной от пансексуализма Фрейда. Завершая свое исследование, русский философ прямо заявляет, что "детская личность не имеет в себе ничего законченного" (Зеньковский, 1995). В этом смысле, личностное начало в ребенке выражено даже более ярко и определенно, чем у взрослого. Педагогика должна не просто считаться с этим психологическим и метафизическим "фактом", она должна из него исходить во всех

своих теоретических положениях и практических действиях. Еще одна интересная историко-философская параллель: русский философ-кантианец С. Гессен (достаточно далекий от какой бы то ни было религиозной метафизики) в основу своей философии образования также кладет идею личности-проекта, творчески реализующей в социальной и культурной деятельности собственный бесконечный духовный потенциал. Таким образом, подобную трактовку личности можно считать общим принципом самых различных направлений русской философской мысли. Однако В. Зеньковский не считал возможным останавливаться лишь на определении общих принципов метафизики личности. В "Психологии детства" он неоднократно писал о недостаточной развитости современной философской антропологии и о том, что без фундаментальной философии человека не может быть и последовательной философии воспитания и образования. В последующие годы он приступает к решению этой задачи.

Литература

- Зеньковский В.В.** История русской философии. М., Академический проект, с. 441, 614, 2001.
Зеньковский В.В. Психология детства. М., ИЦ "Академия", с. 148, 151, 152, 155, 155, 282, 285, 279, 282, 285, 1995.